

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПРЕКАРИАТА ГАЯ СТЭНДИНГА*

Н.П. Лукина

Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Томск, Россия

Статья посвящена аналитической экспликации концепта прекариата, выяснению его теоретических возможностей и эвристического потенциала для исследования новых тенденций в социальной структуре информационного общества. Изменения в социальной структуре информационного общества рассмотрены в контексте сдвига его институциональных экономических оснований в условиях перехода от товаропроизводящей экономики индустриальной эпохи к обслуживающей экономике постиндустриального периода.

Ключевые слова: информационное общество, глобализация, социальная структура, социальная стратификация, социальная мобильность, классы, прекариат.

NEW TRENDS IN THE SOCIAL STRUCTURE OF THE INFORMATIONAL SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE PRECARIAT THEORY OF GUY STANDING

N.P. Lukina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

The article is devoted to the changes in the social structure of the information society through the lens of the concept of the precariat as a new social class formulated by the British sociologist Guy Standing. The author clarifies its theoretical and heuristic potential that goes beyond the issues of social stratification in modern society and provides an opportunity to identify new prospects for research of the informational age specifics during the transition from an industrial (good-producing) to a post (service) economy.

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

The topic of the social structure is analyzed not only in terms of economic and technological transformation of the information society, but also in terms of the search of grounds for a new identity, qualitative socio-cultural and anthropological changes associated with the introduction of the precariat.

Methodological and theoretical backgrounds for the article are classic studies of the social structure in philosophy and sociology (Karl Marx, Max Weber, Pitirim Sorokin), as well as modern analytics of social reality from the predetermined perspective exemplified in the works of Pierre Bourdieu, Peter Drucker, Vladimir Inozemtsev, Krishan Kumar, Richard Florida, Jürgen Habermas, Arlie Russel Hochschild.

The value of the theory by Guy Standing is determined by the fact that the terms he introduced (precariat, a class-in-itself, a class-for-itself) are crucial for describing of actual social processes discussed in the wide social context of institutions (education, politics, power), the stratification system, labor relations. The theory of the precariat has anti-capitalist orientation that allows to deploy its further conceptualization in critical traditions of Marxism and the Frankfurt School. This article draws attention to the conditions of introduction of the precariat: the phenomenon of globalization as a new stage of capitalism, which coincides with the formation of the information society and its tertiary (service) economy, of flexible working schedules, of part-time employment, of labor migration, of the absence of social protection. In the article the characteristics of the precariat, such as an informal class status, the lack of professional self-identity, a limited set of political rights, non-conformist and anarchist sentiments, are highlighted. The reserve for the precariat are migrants, members of the middle and the new creative classes faced with a downward social mobility, bohemians, urban youth received commercialized education that does not provide employment.

The concept of Guy Standing is expanded with the ideas of critical philosophy that explores the problem of alienation related to the labor process and society as a whole that eliminates the identity of the individuality due to the commodification of social relations. Labour practices are analyzed in terms of difference between the work as a profit-oriented concept and the work as a process satisfying deep human needs.

The article discusses the prospects of turning of the precariat from a *class-in-itself* to a *class-for-itself*, associated with the implementation of the post-capitalist project of knowledge societies, which will replace the information, post-industrial society with its contradictions emerged in the era of industrialism. Its prospects are linked with the achievement of universal economic security of employment, obtaining of education in the long term, the connection to the deliberative democracy and ungarbled communication practices in the public sphere.

Key words: informational society, globalization, social structure, social stratification, social mobility, classes, precariat.

Введение

Изменения в социальной структуре информационного общества обусловлены сдвигом его институциональных экономических осно-

ваний в условиях перехода от товаропроизводящей экономики индустриальной эпохи к обслуживающей экономике постиндустриального периода. Проблемная ситуация предполагает поиск ответа на вопрос о том, действительно ли происходят качественные изменения в социальной структуре информационного общества, инициированные появлением нового класса, каким является прекариат?

В этой связи ставится задача реконструкции контекста, в котором была сформулирована концепция прекариата как нового класса и то, как в этой концепции были зафиксированы изменения механизма социальной стратификации и социальной мобильности при переходе от индустриального (фордистского) к постиндустриальному (постфордистскому, информационному) обществу. Предполагается анализ философских, идеологических, антропологических смыслов, сопровождающих появление прекариата, а также категориального аппарата теории, описывающей этот класс, и идей, порожденных этой теорией, которые могут быть инкорпорированы в современный социогуманитарный дискурс.

Актуальность проблемы

Выделение информационного общества как особого объекта исследования имеет общенаучное значение, поскольку его изучение в рамках философских, социологических, экономических концепций нацелено на выработку целостного структурирующего взгляда, позволяющего систематизировать накопленные факты и обобщения с целью комплексного анализа социальной реальности последних десятилетий. Однако в настоящее время проблематичным представляется статус теории информационного общества, который подвергается критике со стороны научного сообщества за слабую концептуальную базу, требующую тщательной аналитики. Вектор анализа должен быть направлен на понимание качественных изменений социальной реальности, на поиск социокультурных и антропологических оснований информационного общества.

Тема социальной стратификации информационного общества исходит не только из интереса к экономическим трансформациям, вопросам труда и занятости, но и предполагает анализ новой идентичности, новой субъективности, возникающей на постиндустриальной стадии развития. Указанная проблематика имеет также исследовательскую перспективу в образовательном и гендерном контексте.

С методологической точки зрения значимость заявленной тематики заключается в уточнении понятийного аппарата актуального исследовательского направления, каким является теория информационного общества. Уточнение понятийного аппарата является залогом непротиворечивости и последовательности получения нового знания, а также приведения содержания используемых понятий в систему в соответствии с характеристиками современной реальности.

Состояние изученности проблемы

Вопрос о структуре общества является классическим для социально-философского дискурса. Понятия классовой структуры общества разработаны К. Марксом, представлены в теориях социальной стратификации и статуса М. Вебера, в концепции социальной мобильности П. Сорокина. К числу современных исследователей, работающих в данном направлении, следует отнести А. Бузгалина, П. Бурдые, В. Иноземцева, К. Кумара, О. Тоффлера, Р. Флориду.

Марксистская теория социальной структуры предлагает объективистский подход к ее анализу, делая акцент на экономическом критерии выделения классов и, в целом, связывая понятие класса с его включенностью в базовые экономические отношения. В марксизме исследован процесс превращения «класса в себе» в «класс для себя», предполагающий осознание классом собственных интересов, наличие организованности, солидарности. Веберовская теория статусных групп придает особое значение политическим аспектам их существования, образу жизни, обусловленным спецификой патримонильной стратификации. П. Сорокин пользуется метафорой социального пространства и задает горизонтальные и вертикальные параметры его функционирования посредством механизма социальной стратификации и социальной мобильности. Социальная стратификация как непреложная характеристика любого типа общества, дифференцирующая людей на классы в иерархическом порядке, свидетельствует о наличии социального неравенства в области экономики, политики, профессиональной принадлежности [8. С. 302–303]. Социальная мобильность (вертикальная и горизонтальная) предполагает переход индивида из одной социальной позиции в другую. При этом вертикальная мобильность может быть восходящей и нисходящей, т.е. предполагает социальный подъем или социальный спуск. Подвижные формы стратифицированных обществ маркируются П. Сорокиным как демократические, предполагающие

большую интенсивность вертикальной мобильности за счет наличия социальных лифтов для ее осуществления [Там же. С. 373–374].

Понятие прекариата непосредственно концептуализировано в работах П. Бурдьё, Г. Стэндинга, А.Р. Хохшилдь.

Французский социальный теоретик Пьер Бурдьё определяет прекариат как нестабильный, незащищенный общественный слой, продукт социальной маргинализации, сущность которого может быть понята в контексте выдвинутой им теории социального пространства, классификации, практики и габитуса. Классификация – основа структурирования социального мира, которая всегда выполняет определенную политическую функцию. П. Бурдьё полагает, что «...любое состояние социального мира представляет собой лишь временное равновесие, момент динамического процесса, в котором постоянно нарушается и восстанавливается вновь соответствие между распределениями... и институализированными классификациями. Борьба, лежащая в основе всех распределений, неразрывно соединяет в себе борьбу за присвоение дефицитных благ... Классификации, да и само понятие социального класса не были бы предметом решительной (классовой) борьбы, если бы они не содействовали существованию социальных классов» [4. С. 279–280]. Таким образом, социальные классы представляют собой реальную, практическую классификацию людей в обществе, их разделение по критериям деятельности, потребностей, интересов. Габитус отражает классифицирующие схемы как продукты закономерностей социального мира, для которого и благодаря которому социальный мир вообще существует. «Являясь продуктом истории, габитус производит практики как индивидуальные, так и коллективные», – пишет П. Бурдьё [Там же С. 105]. Практика – это то, что субъект делает сам и с чем он сталкивается в социальном мире. Класс, таким образом, – это габитус, т.е. среда и образ жизни, определяющий, что можно делать, чего нельзя, к чему стремиться, а к чему нет. «Социальный класс (в себе)... есть неразрывным образом класс биологических индивидов, обладающих одним габитусом как системой диспозиций, общей для всех продуктов одних и тех же детерминаций», – полагает П. Бурдьё [Там же. С. 116].

Американская исследовательница Арли Рассел Хохшилдь является автором концепции эмоционального труда, которую она представила в работе «Управляемое сердце» (2003). По ее мнению, в современном обществе, с его разрастающимся «третичным» сектором экономики (сектором услуг и обслуживания), многократно увеличивается объем

эмоциональной, по большей части феминизированной работы, которую выполняют, по преимуществу, представители прекариата.

Британский социолог Г. Стэндинг в работе «Прекариат: новый опасный класс» (2014) отмечает, что все значимые общественные движения в истории человечества были классово обоснованными [9. С. 12]. Классовая структура индустриального общества, имевшая вполне определенные очертания (элита, средний класс, пролетариат, низшие слои населения), в эпоху постиндустриализма демонстрирует размывание этой структуры, ее замещение чем-то менее определенным, но имеющим по-прежнему классовый характер. По мнению Г. Стэндинга, становление нового класса, каким является прекариат, условия и причины его появления, его место в социальной структуре и экономике постиндустриального общества, наконец, осознание им собственных интересов, совпадающих с интересами всего общества, могут быть квалифицированы как важнейшая социальная проблема современности.

Условия и причины появления прекариата

Прекариат – порождение постфордизма как системы, которая создает и поощряет образ жизни, основанный на конкуренции, меритократии и гибкости. «Путь скатывания в прекариат – неполная занятость, характерная для третичной экономики в отличие от индустриального общества» [Там же. С. 34]. Мировая экономическая система требует, чтобы все больше людей выбирали временную работу. Появление прекариата обусловлено также глобализацией, которая после 2008 г., по мнению Г. Стэндинга, приобрела кризисные черты. В основании глобализационной доктрины лежит неолиберальная идеология, сформулировавшая тезисы о трудовой занятости, мобильности, функциональной гибкости персонала, «руководстве человеческими ресурсами». Эпоха глобализации привела к дроблению классовых структур, но не к исчезновению классов. Рост прекариата связан с природой глобализационных трансформаций в области экономики, которая была противопоставлена обществу и национальному государству, традиционной корпорации, фирме как месту, где можно сделать карьеру. Целью глобализации стала товаризация всех сфер человеческой жизни: труда, социальных гарантий, профессиональных сообществ, семьи, образования, политики. С распространением гибкого труда усилились расслоение и неравенство, нестабильность и социальная незащищенность. Гибкий труд связан

с характерными для постиндустриального общества производственно-экономическими практиками аутсорсинга (передача функций внешним исполнителям) и офшорингом (перенос производства за границу). Указанные практики порождают транснациональную контрактизацию жизни, характерную для прекариата. «У прекариатизации как продукта глобальной экономики нет обратного хода, великий механизм аутсорсинга не знает усталости», – отмечает Г. Стэндинг [Там же. С. 56].

Процесс глобализации совпал со становлением информационного общества. С экономической точки зрения информационное общество – это общество, в котором большая часть экономической деятельности состоит в манипулировании идеями и символами, в продвижении услуг, в создании третичной экономики. Пафос третичной экономики, в ее неолиберальной глобализационной формулировке, заключается в продвижении идеи и практики занятости, предоставлении рабочих мест. Третичный труд связан с сокращением объема производства и смещением в сторону сферы услуг. Там, где преобладают услуги, возникает проектно-ориентированная модель труда и занятости. В дополнение к стационарной занятости появляется феномен удаленного труда, что нашло отражение в терминах «телезанятость», «надомный телетруд», «виртуальный труд». Возникает новая группа работников, получивших название флекстаймеров, фрилансеров. Информационно-коммуникационные технологии создают предпосылки для подобной модели занятости, стимулируя миграционные процессы. Основа такой модели – временный, а не непрерывный труд. Смещение в сторону временного труда – тенденция глобального капитализма. Временный труд является распространенной практикой в США, Великобритании, Германии, в последние десятилетия и в России. Трудовая миграция сопряжена с негативными моментами, связанными с «...этнополитическими эффектами в обществах-реципиентах и последствиями безвозвратной утечки умов в обществах-донорах» [10. С. 26].

Следует отметить, что в экономике информационного общества не происходит деиндустриализации, несмотря на усиление ее сервисной направленности, и это свидетельствует о преемственности в индустриальном и постиндустриальном развитии социально-экономических процессов. Глобализация порождает экспортно-ориентированную индустриализацию. Французский философ М. Фуко, размышляя о природе подобной модели индустриализации в теории «послушных тел», писал о создании «общественной фабрики», где

общество есть продолжение рабочего места, где размыты границы между домом и рабочим местом, когда можно работать где угодно, имея несколько статусов и контрактов. Эпоха глобализации также не свидетельствует о прекращении регулирования производственных процессов, а демонстрирует новое регулирование, которое К. Кумар называет контрольной революцией, передающей надзирающие функции информационно-коммуникационным технологиям, в частности, телематике [15].

Понятие и содержание труда, которым занят прекариат в рамках третичной экономики, позволяет осознать степень присущей ему деформации, сравнив его с понятием работы как деятельности. В марксистской традиции под деятельностью понимается целесообразное преобразование предметов, взятых в их социальных формах. П. Бурдьё пишет, что «...деятельность – это не только экономический императив, но и долг жизни в коллективе. Ценностью наделяется деятельность как таковая, независимо от ее собственно экономической функции, поскольку она предстает как непосредственная функция осуществляющего ее человека» [4. С. 228]. На соотношении понятий труда и работы имеет смысл остановиться подробнее, рассматривая их в качестве производственно-экономических практик в трактовке П. Бурдьё. Труд, с позиций экономической целесообразности, как суть «объективной экономической практики» реализует один «голый интерес» и одни отношения, выработанные капитализмом, основанные на денежном расчете. «Эгоистический расчет» (К. Маркс) не совместим с неэкономическими интересами, которые в качестве сакральных практик (дарение, взаимопомощь) присутствовали и присутствуют в докапиталистических и некапиталистических экономиках. П. Бурдьё замечает, что характерное для архаической экономики обожествление природы не позволяло рассматривать ее как сырье и тем самым деятельность человека как труд, т.е. борьбу человека с природой. Сакральные практики мешали «...формированию экономики как таковой, т.е. системы, регулируемой законами корыстного расчета, конкуренции или эксплуатации» [Там же. С. 222]. «Работа так же относится к труду, как дар к торговле... В открытии труда предполагается... расколдовывание мира природы, сведение его к одному лишь экономическому измерению... человеческая деятельность может теперь быть направлена к исключительно экономической цели, которую указывают деньги, отныне единая мера всех вещей», – полагает П. Бурдьё [Там же. С. 229–230]. Символически работа нацелена на реализацию зало-

женной в ней функции бескорыстного обмена, взаимопомощи, добросовестности, которые превалируют над корыстными отношениями, задаваемыми трудом. Понятие работы связано с профессией, этос которой формируется как комплекс чести, прав и обязанностей. Известный экономист Т. Шанин в концепции «неформальной экономики» как альтернативной индустриализму и постиндустриализму отстаивает жизнеспособность этого типа экономической деятельности, укорененной в широком контексте человеческого солидарного взаимодействия на уровне семьи, сообщества, профессии [11].

Демонтаж профессий и исчезновение корпоративного духа влекут за собой исчезновение саморегуляции профессиональных групп, делают расплывчатым понятие квалификации и рабочего места как стандартных условий для деятельности прекариата.

Характеристики прекариата как «класса-в-себе»

Г. Стэндинг акцентирует неформальный классовый статус прекариата, подчеркивая то обстоятельство, что его позиции в социальной структуре постиндустриального общества не кодифицированы. Кодификация есть универсальный акт легитимизации, одобрения, признания тех или иных социальных явлений. Эффекты кодификации социального мира реализуются в узнавании и объективировании реальности, опирающиеся на авторитет экономического, политического, юридического знания. Прекариат «...состоит из людей, пользующихся минимальными доверительными связями с капиталом или государством... В отличие от пролетариата он не имеет никаких отношений общественного договора, обеспечивающего гарантии труда, лежащие в основе социального государства», — пишет Г. Стэндинг [9. С. 23]. Главная характеристика прекариата — статус временного работника. Это подразумевает отсутствие надежной профессиональной самоидентификации, нестабильность дохода. Стиль жизни прекариата изменчивый, мобильный, приспособленческий, а не целенаправленный. Прекариат ассоциируется с образом современных кочевников в глобализованном мире, что вписывается в постмодернистский дискурс о ризоматической природе современной социальности (Ф. Гваттари, Ж. Делез) или соответствует метафоре текучего модернити (З. Бауман). Можно говорить о третьичном образе жизни прекариата, который в экономическом плане совпадает с нормой работы на любом месте, в любое время, без перерыва, а в экзистенциальном плане сопровождается чувством стра-

ха, неуверенности, тревоги, стресса. По преимуществу обслуживающий труд прекариата свободен, неизмерим, невеществен и не ведет к профессиональному развитию. А.Р. Хохшильд отмечает, что в сфере эмоционального труда происходит коммерциализация чувств, сами чувства, эмоциональность становятся товаром, а идентичность работника фрагментируется, подвергается отчуждению [14].

Сущность третичного времени как времени постиндустриального общества являет собой факт того, что гибкий рынок труда и его интенсификация сделали мобильность жизненным принципом прекариата, который сопровождается утратой контроля над временем, хроническим цейтнотом. Понятие профессионального навыка, имеющего временное измерение, для прекариата утрачивает свой первоначальный смысл. Концепция третичного времени как времени постиндустриального общества рассматривает его как производственный ресурс, качества которого недостаточно для решения сложных проблем. Кроме того, у прекариата, ведущего атомизированное существование, нет полноценного досуга в его классическом понимании как свободного времени для самосовершенствования, самовоспроизводства. Постоянное перепрограммирование личности и поведения, многозадачность и мультимногозадачность требуют от прекариата навыка изворотливости, контроля над эмоциями, дисциплины и связаны с невозможностью основательной, длительной рефлексии, обдумывания процесса и результатов своей деятельности.

Прекреатизированный стиль мышления и жизни формируется в границах технологического ландшафта информационного общества. Отличительная черта прекариата, связанная с реалиями информационного общества, – это безостановочная интерактивность, постоянное подключение к социальным сетям, к Интернету. Интернет-зависимость порождает синдром дефицита внимания, негативно влияет на работоспособность с точки зрения выполнения рутинной работы. Электронная техника определяет способы мышления, нормы поведения и коммуникации. Переформатирование мышления в соответствии с требованиями Интернета, с его быстротой навигации, непрерывным частичным вниманием мешает консолидации памяти, т.е. кристаллизации информации как основы интеллекта. Когнитивные расстройства, когнитивный диссонанс проявляются в неспособности делать выводы посредством сложных, длительных размышлений, аналитических процедур, создания новых образов и продуцирования новых идей. Незначительные шансы на стабильную карьеру закрепляют неспособность мыслить перспективно. Та-

ким образом, труд, работа ради работы, работа ради воспроизводства – это специфические для прекариата условия существования.

Навыки, необходимые для прекариата, не требуют формального образования. В условиях коммерциализированного образования, направленного на улучшение «человеческого капитала», по мнению Г. Стэндинга, возникает ситуация обучения ради работы, которой может не быть. Образование для резюме, приобретение дорогих дипломов и сертификатов без надежды получить работу – типичная история прекариата, поскольку общество не обеспечивает его лучшими рабочими местами. Возникает парадоксальная ситуация, названная Г. Стэндингом «статусным диссонансом», когда люди с относительно высоким уровнем образования согласны на статусно низкую занятость. Даже при наличии профессии прекариату не свойственна профессиональная самоидентичность, что освобождает от моральных и поведенческих корпоративных обязательств. Прежним эпохам, в частности индустриализму, было свойственно медленное формирование надежной самоидентификации и чувства безопасности. Историческое чувство доверия возникало в устойчивых профессиональных сообществах, где была возможна солидарность. Гибкая занятость не позволяет сформироваться этим чувствам. Фирма в ее прежнем понимании, как и новая корпорация, описываемая О. Тоффлером, не воспринимается больше как место, где можно сделать карьеру. Совершенствование навыков не является стимулом, а повышение квалификации представляется бессмысленным. Определяя меритократию как систему, при которой положение человека в обществе определяется его способностями, «...неолиберальная экономическая и социальная модель не справилась с обеспечением социальной мобильности на основании заслуг» [9. С. 106]. В отсутствие лестницы социальной мобильности прекариат «...зависает между сильнейшей самоэксплуатацией и мнимой свободой» [Там же. С. 42]. Численность прекариата растет, а возможности социальной мобильности уменьшаются. Отчуждение, одиночество, разобщенность – это экзистенциалы прекариата как «класса-в-себе».

В политическом плане статус прекариата обозначен термином «резидент», имеющим коннотации маргинальности в отличие от гражданина. Прекариат состоит из множества резидентов с различным, но всегда ограниченным набором прав. В обществе формируется отношение к резидентам как к аутсайдерам. Неолиберальное государство по своей идеологической направленности является государством неodarвинистским, исходящим из приоритетов конку-

ренции и индивидуальной ответственности. В общественной атмосфере этого государства складываются отчуждающие практики в отношении представителей прекариата, относящих их к девиантным категориям лузеров, неудачников, безработных. Глобализация и коммерциализация СМИ предоставляют власть тем, кто демонизирует слои населения, испытывающие системную экономическую незащищенность, создавая образ «опасных чужаков», «коллективно-другого». Данную ситуацию П. Бурдье интерпретировал таким образом, что монополисты дискурса о социальном (экономисты, эксперты, предприниматели) мыслят о себе и о других (классах) по-разному, в зависимости от того, к какому классу они принадлежат. «И это выглядит таким образом, что они склонны к либерализму для себя и дирижизму для других. Интеллектуализму для себя и механизму для других» [Там же. С. 156].

Резервом прекариата являются не только мигранты, но и представители среднего класса, возникшего в период фордистского формата «общества всеобщего благоденствия». Средний класс как экономическая опора и политический стабилизатор этого общества, находясь под давлением несистемного характера занятости и конкурентной гонки, скатывается в прекариат. Снижение восходящей социальной мобильности, низкая социальная мобильность оказываются фактором экономической нестабильности для среднего класса. Эта ситуация проанализирована зарубежными и отечественными авторами, исследующими социальную структуру постиндустриального общества. В частности, Р. Флорида, автор работы «Рост творческого класса», констатирует увеличение числа лиц, занятых деятельностью, содержащей творческую компоненту, однако существуют различия внутри этого класса, имеющие два центра тяготения: креативные работники и работники, занятые репродуктивным трудом [12]. Подобную тенденцию отмечает и отечественный экономист А.В. Бузгалин: «Если под постиндустриализмом понимать не только постпромышленную отраслевую структуру, но и... изменения в содержании труда и технологиях, то рост сервиса, как таковой, окажется очень противоречив» [2. С. 188]. Суть противоречия состоит в том, что, с одной стороны, налицо прогресс отраслей с творческим содержанием, с другой – в массовых масштабах развивается средне- и низкоквалифицированный труд.

Образованная молодежь – городские кочевники, прошедшие коммерциализованную систему обучения, также пополняют ряды прекариата. Новую трактовку получает понятие когнитариата, кото-

рый в концепции трех волн О. Тоффлера определялся как пролетариат нового типа, работник умственного труда, интеллектуальный работник, не являющийся придатком машины и выступающий основой социальной структуры постиндустриального общества. Современный когнитариат объединяет представителей богемы, творческих профессий, выступающих с неконформистских позиций, которые вытесняются из профессиональной ниши в прекариат. Этот парадокс объясним с точки зрения специфики производства символической продукции, которую П. Бурдьё связывает с процессом оформления, обособления художественного и интеллектуального поля посредством автономизации и оппозиции к властным инстанциям [3]. «Искусство могло сложиться как таковое, – пишет П. Бурдьё – лишь в соотнесенности с образованием относительно автономного художественного поля», благодаря чему его представители смогли занять особые независимые диспозиции в сфере эстетики и политики [4. С. 221–222].

Перспективы превращения прекариата в «класс- для-себя»

Концепция нового опасного класса, сформулированная Г. Стэндингом, позволяет под особым углом зрения рассмотреть специфику информационного общества, как несущего в себе социальные противоречия индустриализма, так и имплицитно содержащего в себе возможности их разрешения на следующей стадии развития, которую в литературе называют посткапиталистической и имеющей шансы реализоваться в обществах знания [5, 6].

Понятие общества знания, введенное в научный оборот П. Друкером, акцентирует внимание на знаниях в двух аспектах: они ключевой момент экономического развития, но также способствуют эмансипации человечества в плане обретения самостоятельности отдельными людьми. Ю. Хабермас в работе «Познание и интерес» полагает, что знания формируются с целью достижения значимых общих интересов, лежащих в основании способов постижения, интерпретации и изменения реальности. Одним из важнейших является эмансипационный интерес, который освобождает сознание от давления объективных сил и искаженной коммуникации [13].

Общества знания подразумевают более широкие социальные, этические и политические возможности, доступные всем людям. Пе-

переход от информационного общества к обществам знания – это переход к новой социальной парадигме, утверждающей понятия разделенных ценностей, интеграции, солидарности и участия, новых форм демократического сотрудничества, равные возможности в области образования и доступа к информации.

Концепция обществ знания формируется в русле идеологии гуманизации глобализационных процессов, проявивших свой отчуждающий потенциал в информационном обществе. Критике подвергается тезис об универсальности информационных технологий, на основании которых можно решить насущные социальные проблемы бедности, цифрового, когнитивного, гендерного неравенства. Идеологический посыл обществ знания исходит из признания того, какой потенциал отчуждения заложен в информационном обществе, развитие которого ограничивается лишь сферой технологии и экономики при расширенном воспроизводстве старых методов социальной стратификации.

Эпоха глобализации, определяемая Г. Стэндингом как клановый капитализм, квалифицируется не как огромный свободный рынок, но как система, в которой политики раздают общественное богатство частным игрокам в обмен на политическую лояльность [9. С. 262]. Зарождение прекариата связано с ситуацией недоверия нарративу фордизма (индустриализма), утверждающему увеличение эффективности труда, зависимость от капитала и менеджмента, рыночную конкуренцию. Это недоверие сформировалось в среде неконформистски и анархистски настроенных слоев населения, составляющих социальную базу прекариата. В индустриальном обществе социальные гарантии подразумевали базовую защищенность на основе солидарности. Современное социальное неравенство беспрецедентно по причине высокой прибыли финансового капитала, не связанного с реальными трудозатратами тех, кто преуспевает, благодаря стратегически выгодной позиции в глобальной экономике. Моральное и идеологическое банкротство неолиберальной модели глобализации дает надежду на освободительный эгалитаризм, присущий прекариату и связанный с его неконформистскими проявлениями.

Размышляя о перспективах превращения прекариата в «класс-для-себя», Г. Стэндинг связывает этот процесс со следующими условиями. Во-первых, это универсальная экономическая безопасность как базовая предпосылка для ощущения стабильности, дающей возможность рационально мыслить и поступать не импульсивно, а в соответствии с усвоенными профессиональными и экзистенциальными принципами. Во-вторых, это возможность получения образова-

ния на долгосрочной основе. Образование как медленный осознанный процесс, а не просто подготовка в качестве «человеческого капитала». Надлежащее образование и качественное время помогут прекариату принимать самостоятельные, не спонтанные решения. В-третьих, речь идет о подключении прекариата к механизмам совещательной демократии, к неискаженным коммуникативным практикам публичной сферы. В-четвертых, будучи «зеленым» классом, прекариат ориентирован на замедление темпов производства как основу чудовищного неравенства и хищнического отношения к природным ресурсам.

В заключение отметим, что в социальной структуре информационного общества прекариат должен занять достойное место как полноценный класс, выполняющий базовые экономические функции в третичной экономике. Прекариат должен получить свою заслуженную долю общественных благ в виде демократизации профессиональности, политического представительства через профессиональные союзы фрилансеров и предоставления юридической консультативной помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева И.Ю.* Общество знаний: посткапиталистическая перспектива России // Информационное общество. 2011. № 2.
2. *Бузгалин А.В.* Что такое постиндустриальный капитализм // Альтернативы. 2008. № 3.
3. *Бурдье П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. Т. 1, № 2. С. 49–62.
4. *Бурдье П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
5. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999.
6. *Лукина Н.П., Самохина Н.Н.* От информационного общества к обществам знания: теория и практика перехода // Гуманитарная информатика: сб. ст. под ред. Г.В. Можаявой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 7. С. 9–27.
7. *Симонова О.А.* Эмоциональный труд в современном обществе: научные дискуссии и дальнейшая концептуализация идей А.Р. Хохшильд // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 3. С. 339–354.
8. *Сорокин П.А.* Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
9. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
10. *Цапенко И.П.* ИКТ и глобальная мобильность труда // Информационное общество. 2011. № 2.
11. *Шанин Т.* Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 109–115.
12. *Florida R.* The Rise of the Creative Class. N.Y.: Basic Books, 2002. 434 p.
13. *Habermas J.* Erkenntnis und interesse. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1970.
14. *Hochschild A.R.* The managed heart: Commercialization of human feeling with a new afterword. University of California Press, 2003.
15. *Kumar K.* From post-industrial to post-modern society: New theories of the contemporary world. John Wiley & Sons, 2009.